

ПОЭЗИЯ

Эдуард Угаров

В понедельник...

Галине Булатовой

Птичий контур, чертёж без деталей,
в небо шаг, или взмах, или два,
от осенне-осиновых далей,
пункт за пунктом, пунктиром, едва,

прочертив облака, предначертав
оставаться на окнах ночей,
и пером по бумаге зачем-то
лунной горлицей стынуть ничьей,

занемочь, где в сиреновой тряске
клювы клином вбиваются в юг,
и синицы, сипя на татарском,
минаретные гнёздышки вьют,

задышать глубоко в понедельник,
отыскав голубиную клеть,
и застуженный крестик нательный
на груди у меня отогреть.

Крутушка

*Маме с отцом: Учаровым,
Валентине Сидоровне
и Раиму Хазеевичу*

Где Казанка волной одичалою
в камышовой кайме берегов
шестилетнего манит Учарова
на крючок нарыбачить улов;

там, где в песнь безымянного озера
от тарзанки срывается крик,
и в песочную воду бульдозером
зарывается детство на миг;

там, где тучами небо зашторили,
но в просвет пропустили грозу,
а потом на столбах санатория
растянули сушиться лазурь;

там, где шахматный конь полусъеденный
старичка вдруг в атаку понёс,
но в гамбит развернулся обеденный,
променяв перевес на овёс;

где к огням пионерского лагеря
навесной устремляется мост,
и коты под Котовского наголо
расчехляют зазубренный хвост;

в ярких отсветах солнца закатного,
подрезающих соснам верхи,
где был мамой и папой загадан я,
там теперь ворожу на стихи.

Парк Горького

Крутнёшь колесо обозренья,
поставив мгновенья на чёт,
и выпадет день озаренья,
и сердце стихом пропечёт.

За корочкой тёплого неба,
упрямо карабкаясь ввысь,
ты колокол высмотри слепо
и словом его вдохновись.

Взмывай над тропею овражьей
и над стадионом Труда,

пиши, как заходится в раже
в разбитом фонтане вода,

о старой канатной дороге,
детьми изнуряющей пляж,
и летнем кафе на отроге,
взрезающем беличий кряж.

И пусть уничтожена местность,
но там, где аллеи свежи,
всё так же гранитно известный
солдат неизвестный лежит.

На вечном огне отогреешь
военную память отца,
и горькие звёзды хореев
украдкой прогонишь с лица.

В захлёбе, мятущейся птицей
в себе прорастив голоса,
захочешь на землю спуститься –
а нет под тобой колеса.

Ивану Данилову

Мелочью рассыпались слова,
звонко убежали по ступенькам,
отшуршала шубами зима;
юбки на скамейках притаились,
потому что небо голубей –
голубей, синиц и незнакомок,
траурными перьями снегов
щекотавших небо городское;
или там, где пасека тебя
шёлковыми пчёлами лечила –
в звёздочки попрятались слова,
натерев синяк бедовой ночи,
а вспотевший мёдом старый сруб
мучился ломотой в пояснице,
и в зелёной робе серый бор
под топор растил сухие руки,
но в пылу закатного ожога
для поэта строчку осветил...
умирали лучшие слова...
умирали лучшие...
умирали...

Старая Казань

По ветхим улочкам Казани,
смирненно дышащим на ладан,
иду с умершими друзьями –
а что ещё от жизни надо?

И будто горные берёзы
мне путь неспешный проясняют,
они, от старости белёсы,
всё понимают и... сияют.

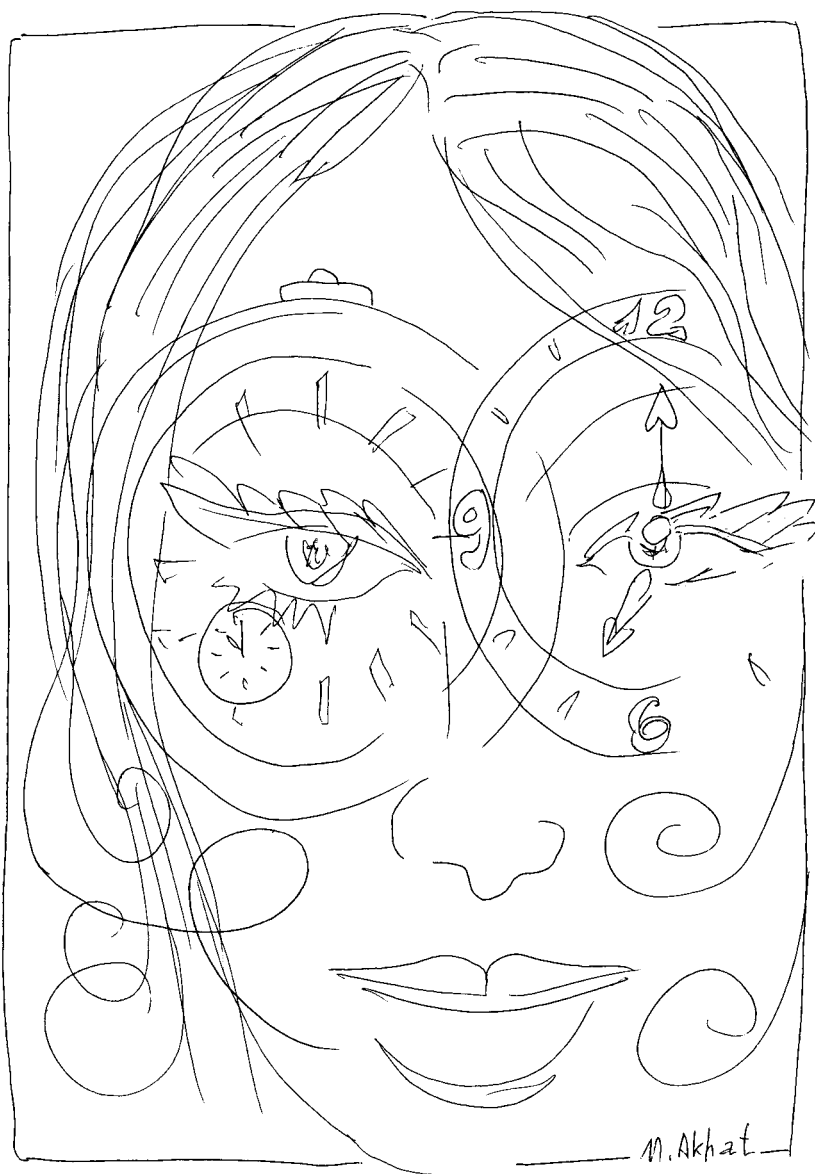
А день окуривает дымкой
избушки курьи нежилые,
над тучей солнце невидимкой
им греет кости пожилые.

Шагаю мимо палисадов
по деревянному кочевью –
не заскрипят уже надсадно
полуистлевшие качели.

Не защечечут больше ставни,
приветствуя моё наличье,
и лишь в любезностях усталых
резной рассыплется наличник.

А за оврагом город громкий
несёт дожди и льёт за кромку,
а здесь – погибла на пригорке
от жажды ржавая колонка.

Родных калиток вереница,
я перед вами с болью замер –
вы перекошенные лица
моей несбывшейся Казани.

Часы

Не скрипнет засыпающий засов –
лишь маятник потрёпанных часов,
вися на волоске, качнувшись в полночь
от шестерёнок звёзд и сна пружин,
назойливо комариком кружит,
колёсиком звенит тебе на помощь.

Ну что за жизнь в бессмертии таком?
Под мерный стук ты возишься с замком,
проклятых стрелок приближая залежь.
Убив кукушку, смерть не обмануть –
макнёшь перо в сиреневую муть
и облако над домом продырявишь...

* * *

Нарубишь боль души на честные словечки...
Берёзовые дни сгорят в июльской печке...

У сердца на краю твоя тоска резину...
И поллитровку сна неси из магазина...

Сбываются слова рифмованной кукушки...
Нормальнее всего лежать тебе в психушке...

Под балалайку лет зайдёшься в пьяном оре...
Застонешь о судьбе – струна застрянет в горле...

80

СВЯЖСК

Впадает ли в Волгу кривая Свяга,
где кожа реки золотится на солнце,
и храмы медовые, вставши на якорь,
в обеденный проблеск опутаны звонцем?

Впадает ли сердце в острожную крепость,
забившись о берег тугими волнами,
в крови оживляя восторженный эпос
о грозном царе от бревенчатых армий?

Впадают ли в спячку глухие столетья,
ушедшие вплавь на приступье Казани,
внизу по теченью победу отметив,
забывшие всё, что стремительно взяли?

Заблудшее солнце, что рань ножевая,
безмолвные церкви по горлу полощет.
Но с лязгом мечей иногда оживает
на острове новом старинная площадь...

* * *

Снятся сны – голодные волчата,
правду звука из груди сосут.
Жизнь моя – как заболоцкость чья-то –
свет, которым отмерцал сосуд.

Словномышь, из этого кувшина
молоко взбиваю до крови,
но спасает тайная пружина
и пера зубчатый маховик.

По стихам, что делаются гуще,
выбираюсь и качусь, юля,
я качаюсь, я волчком запущен,
я верчусь и, значит, я – Земля!

Булгария

Волга впаля в Каму,
Кама – в небеса.
Небо под ногами
брызнуло в глаза.

Ищет, не находит
синь свою вода:
белый пароходик,
чёрная беда.

К берегу какому
выплыл башмачок?
Волга впаля в кому –
больше не течёт...

Варваринская церковь

Храм стоит у погоста, напротив,
над оградами крестик держа,
напитавшись молитвой и плотью
приходящих к нему ухожан.

Двести лет над Сибирской заставой
дух крамолы витал палачом –
это здесь он Емелью заставил
по Казани греметь пугачом.

Потому ли Радищев и Герцен
у Варваринской медлили тракт,
что услышан был «Колокол» сердцем
и прочитан дорожный трактат?

И мятежный шаляпинский гений,
оживляя церковный хорал,
не во время ли тех песнопений
столь великой судьбой захворал?

Для того ль Николай Заболоцкий
здесь крещён, чтобы бунта чтецы
тремякратно и многоголосно
освятили по кельям «Столбцы»?..

Храм стоит у погоста, напротив,
над оградами крестик держа,
напитавшись молитвой и плотью
приходящих к нему ухожан.

Декабрь

Свернёшь в декабрь – кидает на ухабах,
оглянешь даль – и позвонок свернёшь:
увидишь, как на наших снежных бабах
весь мир стоит, пронзительно хорош.

И вьюжная дорога бесконечна,
где путь саней уже в который раз
медведем с балалайкою отмечен,
а конь закатан в перевозанный наст.

Замёрзший звон с уставших колоколен
за три поклона роздан мужикам
и, в медную чеканку перекован,
безудержно кочует по шинкам.

И тянется тяжёлое веселье
столетьями сугробными в умах,
и небо между звёздами и елью
на голову надето впопыхах.

Лядской сад

Мы выжили, спелись, срослись в естество
чернеющей в садике старой рябины,
глухой, искорёженный донельзя ствол
не выстрелит гроздью по вымокшим спинам,

плывущим к Державину, выполнить чтоб
в обнимку с поэтом плохой фотоснимок:
блестят провода и качается столб,
троллейбус искрит, перепутанный ими,

а ливень полощет у сосен бока
и треплет берёзы за ветхие косы,
газон, осушив над собой облака,
под коврик бухарский осокою косит,

и голос фонтана от капель дождя
включён, вовлечён в наше счастье людское...
и мальчик соседский, в столетья уйдя,
по лужам вбегает в усадьбу Лецкого.

Гавриил Каменев

Гавриил Каменев (1773–1803) – первый русский романтик; автор первой русской баллады – героической поэмы «Громвал»; казанский поэт и переводчик, творчество которого высоко оценил А. С. Пушкин.

Всё от Бога: и слово мрачное, и лученье смешливых губ,
капиталы, дома барачные и дворянства былой суккуб.
Упокой перейдёт во здравицу на гортанном наречье мурз –
и не то, что купец объявится, но потомок татарских муз.

То ли азбуки, то ли ижицы – коли чёрный огонь внутри,
не читай, что на нёбо нижется, о бумагу перо не три...
В задыхании – после бега ли за сосновые образа –
так уколет твоя элегия, словно хвоей метнёт в глаза.

На погосте, теперь разрушенном, за Кизической слободой,
прах твой станет могиле ужином, память вытравит лебедой.
Но однажды всплакнёт балладою зовом зыбким Зилантов вал –
о Зломаре впотьмах балакая, пригрозит, прогремит Громвал.

Это мистика, это готика – два столетия псу под хвост...
И классическая просодика на анапест наводит лоск.
Только нет у героя книжицы – наизусть ты его блажи,
где в бетон закатали Хижицы*, чтобы Каменев пал с души...

* * *

В кашемировом небе на вырост
облака на резинке ношу,
и весны неслучайную сырость
по щекам иногда развожу.

Чтобы в детстве, костром обожжённом,
вдруг запахнув ночью росой,
проглянуло бы под капюшоном
удивленье озона грозой.

И на Млечном Пути без ошибки
мама с папой увидеть смогли
голубые, как вечность, прожилки
зарифмованной сыном Земли.

* Хижицы – старинное название Кизической слободы под Казанью и одноимённое стихотворение Каменева, найденное уже после его смерти в кармане сюртука.

* * *

Чёрная речка, древо познания зла,
но озаренье дарит глазам гроза,
вымочив ветви в ярких своих лучах,
высушив корни, чтобы огонь не чах.

Так и душа чёрною нам дана,
чтобы любовь черпала тьму до дна.
В рыжем пространстве выесть немного ржи –
слава работе – просто на свете жить!

Вот тебе сердце, вот тебе голова,
эй, человеце, правда всегда права.
Светится разум, бьётся под грудью стих –
дуй на глаза, иней растаял в них.

Видишь ли землю, видишь ли небеса?
Это работа – видеть в свои глаза.
В сотни костров, в тысячи жгучих свеч
светятся руны, речь продолжает течь.

Геннадию Капранову

*Геннадий Капранов (1937–1985) –
казанский поэт, подборка его стихов
включена в «Строфы века» Евгения Евтушенко.
Погиб от удара молнии на пляже
в Набережных Челнах.*

Ни росы, ни света – солнце опять не взошло,
я неряшлив и короток, как надписи на заборах,
меня заваривают, пьют, говорят – хорошо
снимаю приступ фольклора.

Лёд и пламень, мёд чабреца,
сон одуванчика, корень ромашки ранней,
пожухлый лопух в пол-лица (это я), –
надо смешать и прикладывать к ране.

Будет вам горше, а мне от крови теплей,
солью и пеплом, сном, леденящим шилом, –
верно и долго, как эпоксидный клей,
тексты мои стынут в ахейских жилах.

Вся наша смерть – в ловких руках пчелы
молниеносной – той, что уже не промажет:
словно Капранов, я уплыву в Челны
белый песок перебирать на пляже.

Раифа

У Сумского озера взгляды
о солнечный купол сминай,
пока с Филаретом ты рядом,
и дышит казанский Синай.

Истории путь одинаков:
честнейшие сердцем дружки
и здесь избивали монахов
и храмы восторженно жгли.

Но колокол, вырванный с мясом,
что в землю ушёл на аршин,
проросшим звучанием связан
с мерцанием новой души.

Так выгляни, скит стародавний,
запаянный метким свинцом,
меняя тюремные ставни
на свет под сосновым венцом.

* * *

И Лебяжье, и Глубокое
проморгали синеву,
только утка хитроокая
удержалась на плаву.

Только небо золотистое
всё ещё выходит в рост
и трепещет между листьями
усыхающих берёз.

На лугах тончают лужицы,
зазеркальем манит карп –
и взовьются, и закружатся
чешуёю облака.

Юность памятью ромашковой,
на меня веночек надев,
разбегается барашками
...в круге первом...
...по воде...

